

У рубежа

Вероятный сценарий развития международной и стратегической обстановки после 2021 года

Есть серьезные основания полагать, что к 2021—2022 годам закончится важный этап в развитии международной обстановки (МО) — политического господства западной локальной цивилизации, который будет означать одновременно завершение целого периода международных отношений, продолжавшегося последние столетия, — доминирования Запада в политической и экономической жизни планеты.

Есть также все основания полагать, что западная цивилизация во главе с США готовится не допустить этих объективных изменений. Для этого она пытается использовать несколько частных стратегий, объединенных в единую систему под названием «сетевая война». Начальный этап этой войны уже в самом разгаре, но его апогей наступит именно после 2021—2022 годов. Уже сегодня можно выделить несколько очевидных особенностей этой войны, речь о которых пойдет ниже, в частности:

- формировании новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама);
- сохранение лидерства в технологической и военно-технической областях, а также в качестве вооружения и военной техники;
- системное военно-силовое противодействие противнику;
- предотвращение создания новых союзов и коалиций против стран, относящихся к западной цивилизации;
- идеологическое лидерство, включая систему ценностей, концепции, прогнозы, планирование и социальное проектирование.

В связи с этим огромное значение приобретают точный анализ и прогноз развития возможных сценариев МО и их вариантов на новых этапах человеческой цивилизации. Особенно это касается периода после 2021—2022 годов, когда весьма значительной представляется вероятность изменения парадигм мирового развития. Прогноз развития сце-

ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович — директор Центра военно-политических исследований МГИМО(У) РФ, профессор, доктор исторических наук.

Ключевые слова: международная обстановка (МО), военно-политическая обстановка (ВПО), стратегическая обстановка, стратегический прогноз, стратегическое планирование, сценарии развития МО, Россия, страны западной цивилизации, конфликт, компромисс.

нария МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу предполагает учет тысяч факторов и переменных величин, которые группировались по трем основным подгруппам:

— во-первых, подгруппа основных участников МО и показатели, определяющие их развитие;

— во-вторых, основные международные и региональные тенденции, влияющие на формирование МО;

— в-третьих, основные акторы—участники МО, как государственные международные организации, коалиции и союзы, так и негосударственные акторы—партии, организации, союзы и т. п.

При этом очень важно понимать, что простая механическая экстраполяция этих тенденций, факторов и акторов, существующих в военно-политической обстановке в 2015 году, на среднесрочную перспективу не приведет даже к приблизительным результатам. Точнее — ни к чему не приведет, ибо как количество этих факторов, так и динамика изменения переменных настолько велики, что вряд ли поддаются точному моделированию и прогнозированию. В этом случае возможно использование простых качественных моделей, которые иногда становятся эффективным приемом. Как справедливо заметил в свое время профессор М. Хрусталеv, «пытаться моделировать интуицию — утопия. Вместе с тем моделирование необходимо — для минимизации субъективизма ученого, но лишь в сочетании с логико-интуитивным методом и как дополнение к нему»¹.

«Логико-интуитивный метод» в действительности является достаточно эффективным приемом прогнозирования сценариев развития МО, если он опирается не только на огромный объем информации о трех основных подгруппах, формирующих МО, но и на качественные оценки возможного развития сценариев МО, существующие на логико-интуитивном уровне.

Другие методы прогноза, к которым, как правило, прибегают исследователи, оказываются крайне малоэффективными. Так, малоэффективна механическая экстраполяция производства вооружения и военной техники, которая является основным современным методом оценки военной мощи, поскольку в планы производства и создания существующих и новых систем вооружений неизбежно будут внесены коррективы, а иногда и принципиальные изменения. Так, например, оценивая военно-политическую обстановку (ВПО) для СССР и ОВД в 1985 году, никто не предполагал, что уже через шесть лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более никто не мог представить, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой военной техники будут уничтожены, а создание их новых образцов — прекращено на долгие годы.

Более современный пример можно привести из экономической области: формируя российский бюджет в 1999 году, мы исходили из цен

¹ Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 6.

на нефть в 17 долларов за баррель (которые просуществовали в диапазоне 17–27 долларов четыре года до 2003-го); однако уже через девять лет они превысили 90 долларов за баррель². При этом как добыча, так и продажа нефти устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и доходной части бюджета, включая оборонную, увеличив ее более чем в 10 раз.

Все эти и другие примеры говорят о том, что военное планирование на долгосрочную перспективу, основанное только на стратегическом прогнозе простой экстраполяции в развитии вооружения и военной техники, малоэффективно, хотя и неизбежно. Необходимы системный, многофакторный анализ и прогноз развития не только наиболее вероятных сценариев международной и военно-политической обстановки, но и вычленение достаточно широкого спектра всех возможных сценариев развития международных отношений, если речь идет о долгосрочной перспективе. Следует четко разграничить возможные и вероятные сценарии развития международной обстановки, для того чтобы полноценно и масштабно проанализировать вероятные сценарии (допустим, по 1000–1500 факторам), но и не игнорировать возможные сценарии развития международных отношений, что позволило бы мониторить их состояние и держать в поле зрения динамику их развития. Логическая схема такого подхода выглядела бы следующим образом.

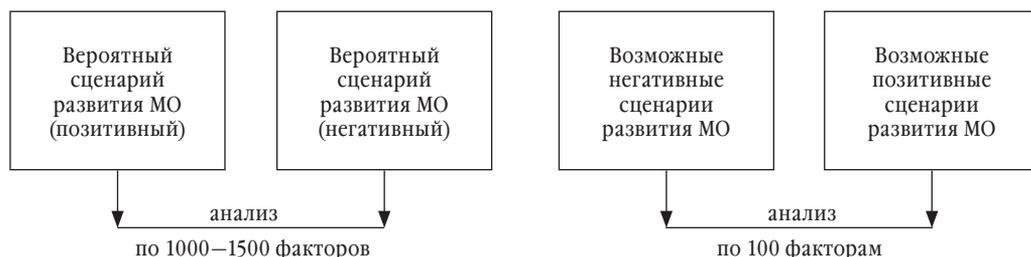

Рисунок 1. Возможные и вероятные сценарии развития МО после 2021 года

Практически возможным представляется вычленение наиболее вероятного сценария развития МО и нескольких его вариантов, которые могут быть полезными для стратегического прогноза, формирования и уточнения планов обороны страны, развития ее военной организации и формирования оборонного заказа на долгосрочную перспективу. При этом учет означенного сценария и анализ его последствий могут внести определенные коррективы в уже утвержденные планы военного строительства на период до 2021–2022 годов, а также достаточно радикально изменить их на последующий период.

В настоящее время необходимость таких изменений публично не обсуждается, хотя характер современной МО — ВПО — СО за последние два года существенно изменился, что отчетливо видно на примере конфликта на Украине 2014–2015 годов. Можно уже, например, говорить

² См. Konachlick W. Russia's Best Ally // OSW. 2014. P. 6.

о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий, то есть фактически уже *ведущейся против РФ сетецентрической войны*. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела.

Сегодня уже не существует четкой грани между политикой и войной, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу — наконец когда политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют «внутри» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т. д. Более того, в мирное время война и специальные операции, в том числе специально подготовленными для этого гражданскими лицами, изначально планируются не только как часть будущей ВПО, но и МО. Граница между вооруженной борьбой и «просто» силовым противоборством исчезла. Так, непонятно, например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из силового противостояния в вооруженную борьбу. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Исходя из этого, следует изначально прогнозировать, что будущий вероятный сценарий развития МО и его варианты в разной степени, но будут включать в себя не просто силовые, но и вооруженные компоненты. В частности, планируя развитие МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки проамериканской гражданской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции, ведения информационных и кибервойн. Соответственно становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся стратегической обстановке (СО) для будущей МО. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня.

Точная характеристика и прогноз будущей МО и ВПО — СО позволяют уже сегодня, в 2015 году, высшему руководству страны заранее перейти на стадию формирования *новой политической реальности*, соответствующей необходимому для нации, цивилизации и страны сценарию, превратить Россию из объекта политики в ее субъекта. Собственно это и стало главным результатом внешней политики В. В. Путина последних лет. К сожалению, в современной России сохраняется определенный разрыв между политическим и военным руководством, который возник в 1970-е годы в СССР и превратился в непреодолимую пропасть при М. Горбачеве. Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 1990-е годы. От этого во многом будет зависеть, какой из вариантов сценария формирования МО после 2021—2022 годов будет реализован: относительно благоприятный или откровенно враждебный.

Есть основания полагать, например, что активная и эффективная внешняя и военная политика России в Евразии может привести при благоприятных условиях к появлению после 2021—2022 годов принципиально нового, российско ориентированного варианта сценария развития МО и ВПО в Евразии и мире. Этот вариант, «выросший» из развития ШОС, ОДКБ или ЕврАзЭС, может стать для многих стран неожиданно очень привлекательным — ведь уже сегодня в ТС готовы вступить более 30 стран.

«Баланс» между доминирующим сценарием и тем, который может сформировать Россия, будет зависеть от очень многих факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной политики самой России. Условно говоря, тенденциям и факторам в развитии МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития.

«Баланс» между доминирующим сценарием и тем, который может сформировать Россия, будет зависеть от многих факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной политики самой России. Тенденциям и факторам в развитии МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития.

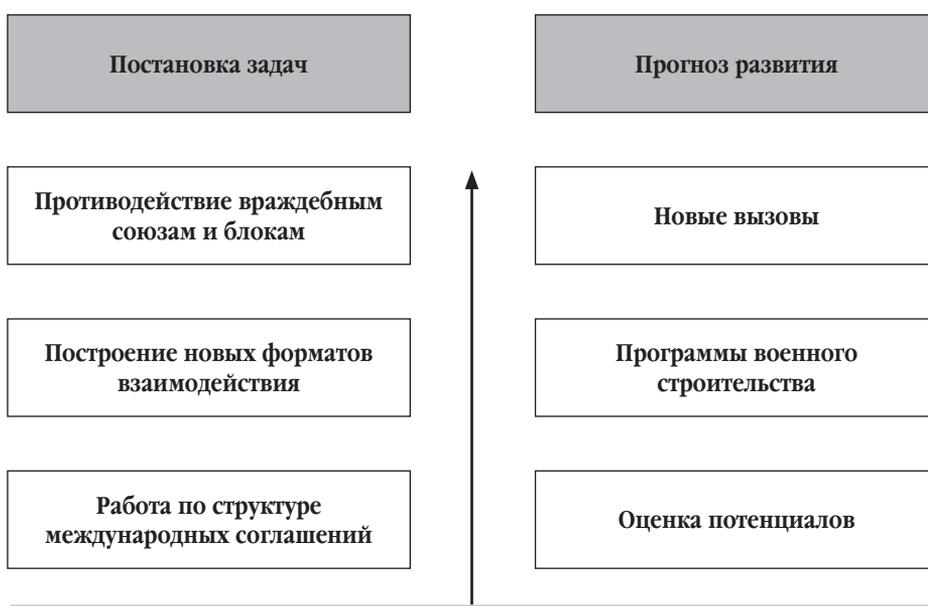

Рисунок 2. Прогнозирование и сценарное проектирование МО

В связи с этим очень важно изначально точно определить координаты того места, где мы сегодня реально находимся, ту «точку отсчета», от которой будет развиваться задуманный нами сценарий развития МО — ВПО — СО. Если эта «точка отсчета» будет оценена неверно, то ожидать развития в нужном направлении и нужными темпами задуманного сценария будет напрасно. Именно это произошло во второй половине 1980-х годов, когда задуманный Горбачевым—Яковлевым сценарий «перестройки» исходил из представления о «комфортном окружении», которое только и будет радеть за процветание СССР.

Сегодня точное определение «точка отсчета» имеет особое значение, потому что существуют как минимум две оценки. Одна — как временное, тактическое охлаждение отношений России со странами Запада. Другая — как фактическое вступление Запада в войну против России. Войну, естественно, XXI века, когда действия осуществляются системно, глобально, в долгосрочной перспективе, бескомпромиссно (то есть «на уничтожение»). Эта системная война и называется «сетевидной войной».

Эскалация этой сетевидной войны на Украине против России к весне 2015 года прошла все основные стадии «подготовительных» этапов такого рода конфликтов. По аналогии со Второй мировой войной, это период «странной войны» Франции и Великобритании после разгрома Польши.

Можно достаточно определенно прогнозировать то, каким образом в период после 2021—2025 годов будет развиваться сетевидная война против России со стороны Запада, исходя из учета этого развития по отдельным этапам, часть из которых уже пройдена. Замечу, что рабочий алгоритм такой войны фактически уже существует. Более того, он совершенствуется не только в секретных документах, но и в открытых для общественности нормативных и иных актах³. Поэтому логические рассуждения о нем и действующую схему можно комментировать следующими конкретными примерами для наиболее важных этапов развития сетевидной войны. Естественно, что эта схема не является абсолютно выверенным алгоритмом; скорее она определяет логический порядок развития сетевидной войны по отдельным этапам. В реальной схеме могут присутствовать и различные новые этапы и отсутствовать (быть «пропущенными») некоторые из указанных ниже.

Общий алгоритм эскалации сетевидной войны (на примере России до 2020 года и после 2021—2030 годов)

Заинтересованное(ые) государство(а)

1. Выбор одной-двух конкретных проблем из всего спектра проблем («слабого звена») в самоидентификации государства и системе его национальных ценностей.

³ См., например: Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. № 90-8AM. Wash., 1986.

Комментарий № 1: в качестве наиболее вероятных проблем для России, вероятно, будут продвигаться две: во-первых, «авторитаризм» (антидемократизм, антинародность) власти, «преступность» ее вертикали и т. п., а во-вторых, патриотизм (национализм) и культурная самоидентификация русской нации. Удобство параллельного выдвигания этих проблем заключается в их «абсолютной совместимости»: «авторитаризм бескультурья русских» — как главная формула борьбы против нации и государства.

Основные средства сетецентрической войны составляют весьма широкий спектр — от культурно-информационных методов до поставок самых современных вооружений и военной техники в «очаги сопротивления» русскому авторитаризму, попыток международной изоляции России и формирования против нее широкой коалиции не только в Европе, но и в мире. Особенное значение приобретает подготовка вооруженного гражданского «протеста» против власти, включая самые современные средства борьбы.

2. Длительное искусственное «выпячивание» и «развитие» этой проблемы, стоящей перед государством и нацией, превращение ее в «главную повестку дня» (по аналогии с борьбой против сталинизма и т. д.).

Комментарий № 2. В эту задачу до 2021—2025 годов (а «возможно, и ранее») входит окончательное создание угрозы со стороны виртуальной реальности идеи «русского авторитаризма», превращение этой частной идеи в угрозу, доминирующее представление в значительной части стран мира и в значительной части российского общества. «Ватники», «азиаты», «недочеловеки» и другие «нелюди» не заслуживают не только государства, но даже территории и ресурсов, которые там расположены.

Этот важный этап можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом:

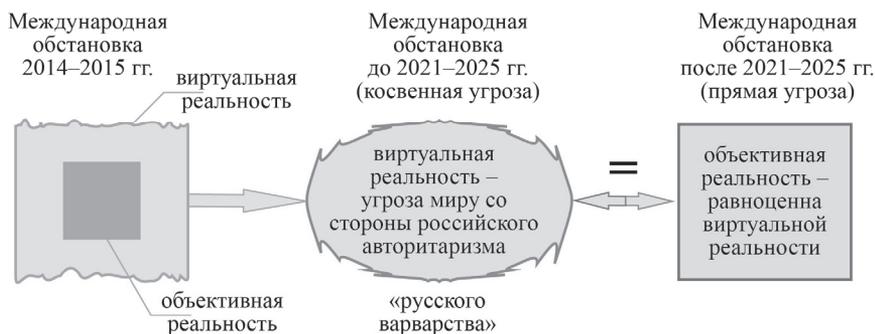

Рисунок 3. Создание виртуальной реальности «русского авторитаризма» и превращения его в международную угрозу на первом этапе сетецентрической войны (2014–2021 годы)

В итоге к 2021—2022 годам в общественном мнении на Западе должно сложиться доминирующее представление о «русской угрозе», «восточном варварстве» и т. п. образах, достаточно апробированных на современной Украине, где «ватники» и «бандиты» «угрожают европейскому выбору народа Украины».

Важно подчеркнуть, что эта угроза должна выглядеть абсолютно реальной и быть подкреплена не только действиями СМИ, но и «варварством российской оккупации», «неспособностью развивать демократические и рыночные институты», «агрессивностью» в отношении простых людей цивилизованных стран и, конечно же, обязательными ритуальными жертвами демократии.

3. Организация массовых антиправительственных выступлений населения.

Комментарий № 3. Первые попытки организации антиправительственных выступлений со стороны таких групп уже происходили в XXI веке. И не только на Северном Кавказе, но и в отдельных регионах, а также в Москве. Задачей подготовительного этапа (до 2021—2025 годов) сетецентрической войны является превращение этих выступлений в *обычное*, рядовое явление, придание им массового и агрессивного характера. В идеале необходимо создать крайне нестабильную общественно-политическую обстановку (подобную той, которая в 1991 году была создана в СССР), с тем чтобы дезориентировать элиты и общественное мнение.

При этом важно подчеркнуть, что традиционные средства вооруженной борьбы против протестующих оказываются малоэффективными. Внутренние войска и полиция должны быть обеспечены достаточным количеством таких средств, применение которых должно приводить к нужным результатам в противодействии массовым гражданским беспорядкам. События в Баку и Тбилиси в СССР, а затем и в Киеве в 2014 году продемонстрировали это самым очевидным образом.

Кроме развития специальных вооружений и военной техники, необходимо также создание специальных сил для борьбы с внутренними беспорядками, которые пока что ассоциируются только с внутренними войсками. Эти силы должны в полной мере получить разведывательные и контрразведывательные оперативные возможности, системы информации и связи, транспорта и т. д.

4. Организация первых жертв (псевдожертв) среди протестующих из числа демонстрантов.

Комментарий № 4. Следующий этап в сетецентрической борьбе с противником наступает после появления первых жертв, которые мгновенно становятся «сакральным знаменем» борьбы. Это хорошо видно на примере всех «цветных революций» — от Сирии и Турции до Украины с ее «небесной сотней». Первые жертвы означают, что накопленные вооружения и военная техника становятся морально оправданным летальным средством борьбы и, более того, ведения военных действий. Различное нелетальное оружие и ВиВТ могут и даже уже используются еще до появления публичных жертв, однако их использование еще не узаконено в нравственном и даже правовом пространстве. Появление первых жертв дает информационный и моральный повод для перехода на силовую ступень эскалации.

5. Призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида правительством народа, общества, нарушения демократических прав и свобод.

Комментарий № 5. Классический пример такой политики — поведение США и их союзников в ЕС накануне военного переворота в Киеве в феврале 2014 года, когда они ультимативно заставили В. Януковича отказаться от защиты своих полномочий и борьбы за власть. Целью таких действий является ограничение степени возможного противодействия со стороны власти. Причем речь идет не только о власти в целом, но и об отдельных ее представителях. Так, президент может занимать неуверенную позицию, а силовые министры бездействовать, ожидая письменного приказа.

«Призыв» к мировому сообществу означает фактический ультиматум власти — угроза политического преследования, репрессий по отношению к родственникам за границей, арест активов и т. д.

6. Террор против представителей государственной власти.

Комментарий № 6. На этапе эскалации конфликта очень важны общий психологический фон и угрозы физического террора против представителей власти и членов их семей, которые, как правило, не защищены от внешнего силового воздействия. Угрозы по телефону, расклейка угрожающих листовок и плакатов, наконец, хулиганские действия против родственников оказываются очень эффективным средством воздействия. Достаточно сказать, что на Украине все родственники бойцов «Беркута» оказались на учете оппозиции и подверглись внешним угрозам.

Эти угрозы очень быстро перерастают в открытый террор против представителей власти — поджоги квартир и машин, стрельба становятся нормой и средством прямого физического воздействия.

7. Дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны.

Комментарий № 7. Этот этап предполагает захват органов государственного управления, связи, СМИ и других важнейших объектов, лишение власти функций реального управления, которые так или иначе связаны с офисом и системами связи. Возможно как блокирование (изоляция) органов власти по аналогии с Верховным Советом РФ в сентябре—октябре 1993 года, так и прямой захват органов управления, который произошел на Украине в феврале 2014 года.

8. Ухудшение экономического положения населения.

Комментарий № 8. Борьба за власть и контроль над органами управления неизбежно ведут к дезорганизации экономической жизни страны. Причем сознательно применяются меры вполне диверсионные по своему характеру. Так, один из старших офицеров управления по борьбе с экономическими преступлениями КГБ СССР (!) организовывал шумевшую забастовку в Кузбассе. Позже, в начале 1990-х годов, этот подполковник «всплыл» в США уже как гражданин этой страны.

Без серьезного ухудшения общеэкономической ситуации массовые протесты не продержатся долго. Нужны «пустые полки» (как в СССР в 1991-м), чтобы не хватало детского питания, чтобы дефицит был повсе-

местным. Организация искусственного дефицита, кстати, — особенная тактика, связанная не только с дезорганизацией торговли, но и прямым уничтожением продуктов питания и массового потребления. Так, в одном из регионов страны в 1991 году хранились запасы детского питания, предназначенные чуть ли не для всей страны, а в другом — сахара, муки и ряда других продуктов.

9. Организованное вооруженное сопротивление органам государственной власти.

Комментарий № 9. Переход к организации систематического вооруженного сопротивления государственной власти происходит, как правило, очень незаметно. Так, в 1991 году мною и моими коллегами была издана специальная работа, посвященная незаконным вооруженным формированиям на территории СССР. Нам удалось насчитать к началу 1991 года несколько сотен проявивших себя незаконных вооруженных формирований, насчитывавших десятки тысяч человек. Другими словами, эта военно-политическая реальность, влиявшая в решительной степени на политику элит («Винтовка рождает власть», — как говорил Мао Цзэдун), отнюдь не афишировалась в политическом дискурсе и СМИ.

Аналогичная ситуация произошла в феврале 2014 года на Украине, когда «вдруг» не только в Киеве, но и в других регионах появились вооруженные (и обученные) отряды оппозиции, которые смогли противостоять профессионалам МВД и СБУ.

Важно отметить, что на этом этапе уже происходит «размывание» силовых структур, которые в той или иной степени начинают ориентироваться на оппозицию. Поэтому, несмотря на наличие у них всей оперативной информации о деятельности оппозиции, они не дают ей хода, как правило, из-за политической позиции своего непосредственного руководства.

Следующие (10—16) этапы развития алгоритма действий по разрушению государства не нуждаются в комментариях в силу их очевидности; поэтому ниже я дам пояснение лишь к 17 этапу, связанному с формированием «марионеточного правительства».

10. Формирование миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.

11. В случае жизнеспособности государства — организация гуманитарной катастрофы.

12. Призыв к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства к массовому переходу на сторону оппозиции.

13. Террор против представителей проправительственной интеллигенции.

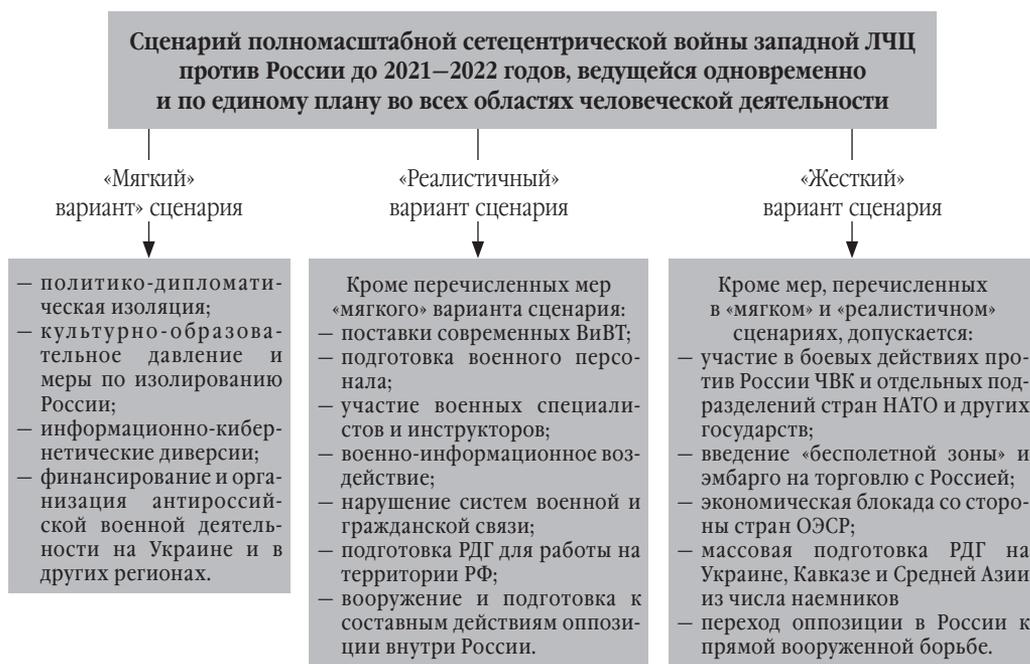
14. Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения».

15. Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным и незаконным действующее правительство.

16. Признание и получение руководителями оппозиции права на зарубежные активы государства на фоне экономической блокады действующей власти.

17. Формирование «марионеточного» правительства, способного вести враждебные военные действия.

Комментарий № 10. Смысл «марионеточного правительства» — выполнить поставленную внешними силами задачу по разрушению государства и дезинтеграции нации либо использовать это государство в других целях — например войны против третьих стран. По сути дела, такое квази-правительство, управляемое извне, является «облачным противником» для России: формально с ним поддерживаются дипотношения, ведутся переговоры, учитывается его позиция и т. д. На самом же деле им манипулируют неизвестные силы и (что очень опасно!) в неизвестных целях. Можно констатировать, что к весне 2015 года эскалация сетецентрической войны на Украине прошла все эти стадии и перешла к последующим этапам военно-технического развития. При этом дальнейшее развитие до 2021 года сценария сетецентрической войны может идти по следующим трем вариантам (если, конечно, не произойдут радикальные цивилизационные катаклизмы и столкновения, что теоретически вполне возможно, но практически — политически маловероятно). На рисунке можно показать логическую схему развития этих трех вариантов сценария.

Ответные действия РФ должны предполагать систему мер противодействия, аналогичных, как минимум, по своему характеру средствам воздействия. В области ВиВТ это предполагает создание и производство в массовом масштабе средств противодействия вооруженному гражданскому противостоянию, а в области строительства военной организации государства — создания специальных сил (или переподготовка внутренних войск МВД РФ на качественно новом уровне)

Рисунок 4. Логическая схема развития сценария сетецентрической войны против России до 2021–2022 годов

После 2021 года вероятность перехода МО и СО в военную стадию масштабного конфликта России с Западом будет весьма высока. Надо исходить из того, что современный сценарий развития МО — ВПО — СО означает лишь начальную стадию сетецентрической войны против России, которая в конечном счете характеризуется:

- идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью (что исключает благостные надежды на объятия Запада);
- конечными военными целями «на уничтожение», а не на заключение перемирий и договоренностей (и не предполагает «цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине);
- разрушением цивилизации, нации и уничтожением государства.

Необходимо констатировать, что до 2021—2022 годов развитие сетецентрической войны Запада против России пройдет как минимум несколько этапов, характеризующихся вооруженным противостоянием, а именно:

- поставки на Украину «марионеточному правительству» современных вооружений и военной техники в легальном режиме и достаточного количества инструкторов для обучения соответствующего персонала;

- ввод ограниченного контингента войск НАТО в ключевые стратегически значимые точки страны;

- полное воздушно-космическое обеспечение боевых действий, а также возможный перевод конфликта в формат «бесполетной зоны»;

- военно-политические и экономические меры давления и др.

Эти действия будут осуществляться в рамках описанных выше трех вариантов одного и того же сценария сетецентрической войны против России. К сожалению, теоретически возможный сценарий развития МО в «переговорно-договорном» ключе означает, что Россия должна будет:

- отказаться от поддержки не только восточных регионов Украины, но и вообще «Русского мира» за пределами своих границ;

- резко снизить свои амбиции в Сирии, Египте, Вьетнаме, Арктике и других стратегически значимых регионах;

- (главное!) публично признать американское мировое лидерство, систему ценностей и выразить готовность впредь следовать этому курсу.

Это означает отказ не только от остатков суверенитета, но и от всей системы национальных интересов и ценностей, а в дальнейшем — и от государственности и национальной идентичности. Это будет не просто военное поражение, а полный и окончательный национальный разгром.

К счастью, такое развитие событий крайне маловероятно; поэтому наиболее правдоподобным остается прежний реалистический сценарий сетецентрической войны, который, напомним, может быть реализован в трех вариантах.

В соответствии с этими вероятными вариантами развития сценария МО — ВПО — СО против России необходимо, прежде всего, предусмотреть все возможные меры и средства, которые могут быть использованы

противником в этих вариантах сценария сетецентрической войны, — от психологических и информационных до силовых и вооруженных. Очевидно, что их будет немало. Подготовку и применение таких мер необходимо тщательно проанализировать под углом зрения возможных силовых, в том числе военных способов ведения сетецентрической войны, а также вероятных силовых невооруженных средств (от обычных палок и листовок до оружия). Так, например, против России как нации и государства будут использованы прежде всего новые тактические приемы и средства, противодействие которым не проработано ни в соответствующих правоохранительных и военных структурах, ни в ведомствах, отвечающих за их техническое оснащение.

Некоторые военные эксперты, например, выделяют целый ряд приемов демонтажа государства (замечу, что эти выводы нуждаются в дополнительной проверке). Это наглядно представлено в публикуемой ниже таблице.

Таблица

**Тактические приемы начального этапа демонтажа государства
(один из возможных перечней, предложенных И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым)**

1. Шествия, голодовки, беспорядки и акты вандализма.
2. Террор против представителей силовых структур.
3. Организация хаоса в государственном управлении.
4. Организация массовой миграции населения и появления лагерей беженцев:
 - террор против населения с целью развязывания межконфессиональной войны или войны по любому другому признаку;
 - диверсии на объектах электро- и газоснабжения населения;
 - уничтожение продовольствия в том или ином районе страны;
5. Нападения на силовые структуры из густозаселенных районов (в густозаселенных районах).
6. Уничтожение промышленного потенциала государства, что в условиях внешнего эмбарго ведет к снижению боевых возможностей силовых структур.
7. Запугивание (уничтожение) представителей проправительственных СМИ и духовных лидеров.
8. Жестокие карательные операции против членов семей представителей силовых структур и других органов законной власти.
9. Уничтожение потенциала силовых структур «распылением» их усилий по территории всей страны и последовательным массовым уничтожением мелкими группами отдельных подразделений войск.

Кроме того, надо понимать, что совершенно новое качество приобретают негосударственные субъекты МО и ВПО — такие, например, как «Правый сектор» или ИГИЛ, которые становятся новым фактором в ведении военных действий. Так, в настоящее время «Исламское государство» (ИГ), как пылесос, засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, отмечают исследователи МГИМО(У), а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев,

воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнуло около 3 тысяч граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни⁴.

Необходимо разработать способы противодействия этим мерам, которые должны быть не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. Военное искусство столетиями разрабатывалось для ведения войн — от локальных до мировых; но оно очень мало знает о системных войнах сетецентрического характера, когда вооруженная борьба смыкается с политико-идеологическими диверсиями, когда в качестве вооруженных подразделений выступают гражданские формирования и т. п.

Мы сегодня должны говорить уже не только о развитии военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, его теории и практики, изучения опыта военачальников и т. д., но об искусстве ведения сетецентрической цивилизационной борьбы за выживание нации.

Мы должны разработать соответствующие средства противодействия таким акциям, с тем чтобы у защитников государства помимо саперных лопаток и автоматов были эффективные средства борьбы, включая соответствующие вооружение и военную технику, которые должны быть уже включены в государственный заказ до 2021—2022 года. Сегодня таких средств практически нет, если не вспоминать о резиновых палках и наручниках. Между тем нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. Как, например, вы будете реагировать, если с территории Украины к Крыму приплывут сотни и тысячи гражданских судов, на которых будут находиться формально гражданские лица?

Необходимо также предусмотреть вероятность полномасштабного, глобального вооруженного развития сценария МО — ВПО — СО после 2021—2022 годов, с тем чтобы совершенствовать как соответствующие способы вооруженного противодействия, так и средства прежде всего вооружения, военную технику, включая военно-космические и ядерные.

В заключение замечу: время не ждет! Его уже и без того осталось совсем немного. А ставка чрезвычайно велика. ◆

⁴ См. Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналитическая записка / подгот. А. В. Федорченко, А. В. Крыловым. М., 2015. Март. С. 3.